

казаков в конных воинов «иноземного строя»: в рейтары, драгуны, копейщики. Согласно «Росписи городам 1672 года» в Курске 1373 служилых человека и это второй по численности воинский гарнизон из 38 «украинных» городов (уступал только Белгороду - 1580 чел.). В этой росписи небольшое количество городских казаков упоминается только в гарнизонах городов Новгород-Северского (109 чел), Путивля (335 чел.) и Рыльска (179 чел.). В гарнизоне Курска всего 150 солдат, «детей боярских» полковой и городской службы - 614 чел, и **609 чел. конного войска**: рейтар - 490 чел., драгун - 56 чел., копейщиков - 63 чел. В этом конном «войске иноземного строя и служили курские казаки рейтарами, драгунами, копейщиками, но по-прежнему называли себя казаками ещё лет сто.

С началом 18 века в Курске и других «украинных» городах к северу от белгородской черты, вместо «казака» появляется «однодворец казачьей службы». Реформы Пётра I приравнивали к крестьянам вольных людей, «прежних служб служилых» - казаков, стрельцов, пушкарей и др. Земли их, когда-то данные за прямую службу и ради этой службы, были «изоброчены, сделались тяглыми землями». Городовые казаки «из вольных слуг сделались оброчниками – тяглецами». Однодворцы-казаки стали пахать землю сами, жили «в одном дворе» и занимались «хлебосейством». Подворная подать сменилась поголовной подушной податью.¹²⁷

Если в 16-17 вв. уход в казачью службу из центральных районов на юг в «Дикое поле», почитался правительством воинской доблестью, за которую смельчакам отдавалась занимаемая ими земля и «жаловалась придача», то в 18 веке, с введением подушной подати, такие сходцы-казаки уже назывались беглыми, и их после обнаружения высылали назад на старые места. Привилегии служилых казаков сохранялись и старательно ограничивались только районом слобод южной Малороссии и донских казачьих станиц. В первой четверти 18 века ещё существовала возможность «лишнему» казачьему населению центральных районов России уйти и пристать где-нибудь к черкасской или донской общине.

¹²⁷ «Понеже душа вещь неосязаемая и умом не постижимая, и цены неимушая». Посошков И. Т.